

ЗАПИСКА «НЕЧТО О ВОЗМУЩЕНИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА»

Публикация С. Б. Окуня

Вступительная статья И. В. Пороха

Восстание солдат лейб-гвардии Семеновского полка, происшедшее 16—18 октября 1820 г., явилось крупным политическим событием первой четверти XIX в.

16 октября первая «государева рота» семеновцев, самовольно собравшаяся на вечернюю переключку, выразила негодование командиру роты капитану Кошкареву по поводу жестокого обращения с ними полковника Шварца. Грубый и невежественный арачсеев, Шварц, назначенный в Семеновский полк навести «порядок» и вытравить «либеральный» дух, только за пять месяцев своего командования наказал палками 44 солдата. Шварц заставлял солдат плевать в лицо провинившимся. Особенно мучительными были введенные им у себя на квартире «десяточные» смотры, во время которых он подвергал солдат нечеловеческим истязаниям.

Протест, выраженный первой ротой, был поддержан всеми солдатами и вылился в открытое выступление Семеновского полка, направленное не только против Шварца, но и против крепостнических порядков, процветавших в армии¹.

Несмотря на то, что члены Союза Благоденствия, офицеры полка, не принимали непосредственного участия в подготовке и проведении восстания семеновцев, это событие сыграло большую роль в развитии взглядов декабристов на роль военного восстания в будущей революции². Из состава Семеновского полка вышли такие выдающиеся деятели Южного общества, как С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, сумевшие сохранить в бывших семеновцах революционный энтузиазм и использовать их для воздействия на солдатские массы армейских полков³.

Восстание Семеновского полка произвело ошеломляющее впечатление на весь государственный аппарат. М. И. Муравьев-Апостол, бывший офицер Семеновского полка, очень часто обращавшийся в позднейшей переписке к «семеновским» событиям, в письме от 16 января 1860 г. к М. И. Бибикову оставил любопытное свидетельство о панических настроениях в армии. «Во время Семеновского события, — писал М. И. Муравьев-Апостол, — петербургский генералитет весь потерял голову; первые меры, ими принятые, были: арестование почт и данное запрещение газетам не упоминать о случившемся в Семеновском полку. Полк еще не был отвезен в Петербургскую крепость, когда курьер скакал в Троппау»⁴.

Александр I, заседавший в это время на конгрессе Священного Союза в Троппау, узнав о восстании Семеновского полка, понял, что незыблемая опора самодержавия, какой он считал армию, заколебалась. Царь беспощадно расправился со своим «любимым» полком, шефом которого он был. По его приказу от 2 ноября 1820 г., Семеновский полк был расформирован: личный состав и большинство офицеров переведены в армейские полки, а главные виновники событий понесли тяжелые наказания⁵.

Выступление Семеновского полка и появившиеся вслед за тем политические прокламации, призывавшие к свержению самодержавия и уничтожению крепостного права, серьезно обеспокоили Александра I. В армии усилился тайный политический надзор, а за бывшими офицерами и солдатами Семеновского полка было установлено особое наблюдение. Начальник главного штаба П. М. Волконский писал 7 января 1821 г.

из Лайбаха главнокомандующему первой армией генералу Ф. В. Сакену: «Государю императору угодно, чтобы ваше превосходительство предписали полковым командирам секретно приказать чрез ротных командиров или чрез нижних же чинов стараться во всех полках чрез разговоры с поступившими нижними чинами выведывать из них о настоящем начале происшествия, бывшего в Семеновском полку, что подало повод тому, не были ли они подучаемы и кем именно? И о таковых разговорах каждого чина немедленно доносили бы»⁶. Но узнать что-либо от бывших семеновских солдат правительственным агентам не удалось. Позднее семеновцы приняли активное участие в подготовляемом декабристами революционном выступлении против самодержавия.

В настоящее время имеется довольно много различных свидетельств о возмущении Семеновского полка, среди которых наибольшую ценность представляют воспоминания и рассказы бывших семеновских офицеров⁷. Интересные сведения сохранились в дневниках, записках, письмах и показаниях декабристов. Подробно рассказали о восстании в своих записках М. И. Муравьев-Апостол⁸, Н. И. Лорер⁹ и П. Н. Сви-стун¹⁰.

Но первое место в ряду всех свидетельств, бесспорно, принадлежит талантливо написанному политическому очерку «Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка», автором которого принято считать Рылеева¹¹. Очерк этот не лишен некоторых фактических неточностей, что, однако, ни в какой мере не снижает его исключительной ценности.

Автор очерка сумел верно и политически остро определить причины, обусловившие восстание Семеновского полка. Самодержавно-крепостническая система управления армии с ее палочной дисциплиной и циничной жестокостью, стремление «превратить войско в машину, приятную глазам» — вот что, по мнению автора, вызвало открытый протест семеновцев.

Публикуемый отрывок «Нечто о возмущении Семеновского полка» очень близко примыкает к очерку, приписываемому Рылееву. Свою задачу автор отрывка видит в том, чтобы сохранить для истории живое впечатление современника. Отрывок обрывается на событиях 17 октября и аресте первой «государевой роты». Автор показывает, как самодержавно-крепостнические порядки душат крестьян в деревне и крестьян в солдатских шинелях.

«Как в деревне приучен он,— шипет автор о крестьянине,— думать, что создан для того, чтобы кормить помещика, или составлять его дворовую челядь, или доставлять для его прихотей деньги, так тут <в армии> видит он все свое назначение в том, чтобы или забавлять глаза своего начальника, или гонять сквозь строй тех, кои вздумают избавиться от этого бремени».

В отрывке очень много мыслей, близких к взглядам декабристов. В вводной части отрывка автор называет свое время «периодом переворотов», которые служат «как бы преддверием к каким-то важным, небывалым событиям, которых мы еще можем сделаться свидетелями». Эти слова невольно воскрешают в памяти высказывания П. И. Пестеля, назвавшего период двадцатых годов — эпохой открытых революционных потрясений в Европе и готовящегося революционного выступления в России¹². В рассуждении о влиянии Отечественной войны 1812 г. на рост политического самосознания солдатской массы звучат те же ноты, что и в письмах А. А. Бестужева из Петропавловской крепости и во многих других декабристских документах.

Но особенно близок отрывок, как уже указано, к очерку, приписываемому Рылееву. Близость эта не ограничивается присущей обоим документам резкой антикрепостнической направленностью,— текстуально совпадают некоторые места. Так, в обоих документах при характеристике александровской армии употребляется эпитет «бездушная машина»; в одном и том же смысле фигурируют Кульм и Бородино; в обоих очерках слова «дух времени» (кстати сказать, типичное для декабристов выражение) означают «умонастроение»; даже само заглавие очерков очень сходно: «Возмущение» и «Нечто о возмущении».

Отрывок «Нечто о возмущении Семеновского полка» обнаружен в «Особой записной книге» известного ученого, полярного исследователя Ф. П. Литке¹³. «Книга» эта была начата им в Категате 10 августа 1820 г., во время плавания. В первые годы

Литке, тогда еще молодой офицер флота, заносил в нее все, что ему казалось наиболее примечательным как из потаенной литературы, так и из появлявшихся в печати произведений. На полях он обычно помечал место и дату копирования того или иного произведения, а если переписывание производилось в несколько приемов — место и дату каждой записи. Рядом с сатирой Рыльева «К временщику» в тетрадь вписана ода «Вольность» Пушкина; письмо Волро (то есть М. Ф. Орлова) к «Сочинителю истории походов россиян в XVIII в.» и ответ Волро на возражения Бутурлина и др.

Судя по пометкам на полях, отрывок «Нечто о возмущении Семеновского полка» был получен Ф. П. Литке в Петербурге и переписывался с перерывами с 11 февраля по 9 марта 1822 г.

Восстание Семеновского полка произвело на Литке сильное впечатление и надолго сохранилось в его памяти. Он не только переписал в свою «Особую записную книгу» публикуемый ниже отрывок, но и в автобиографии, написанной в 1865—1868 гг., дважды упомянул об этом событии. Первый раз, сообщая о том, что осенью 1820 г. произошла «семеновская история», Литке высказал искреннее удовлетворение тем, что неожиданный отъезд из Кронштадта (где он жил с братом Александром) в Петербург избавил его от участия в «очень неприятной кампании» — перевозке одного из батальонов Семеновского полка в Свеаборг¹⁴. Вторично Литке вспоминает о семеновской истории в связи с восстанием декабристов на Сенатской площади. «14 декабря, — писал он, — когда уже начинало смеркаться, работу мою прервал поспешно вошедший денщик. „Ваше высокоблагородие! Семеновский полк бунтует!“ (тогда у всех в памяти была семеновская история 20 года)»¹⁵.

Кто автор публикуемого отрывка, точно установить не удалось. Первоначально, вполне естественно, может возникнуть мысль, что, поскольку перед нами автограф самого Литке, он и является автором. Известно к тому же, что Литке вообще был склонен к составлению мемуарных записей и даже оставил описание событий 14 декабря, к сожалению, до нас не дошедшее. Восстание же в Семеновском полку, как уже отмечалось выше, произвело на него сильное впечатление. И все же более внимательное чтение текста «Нечто о возмущении Семеновского полка» и выяснение политической биографии Литке приводят нас к мысли, что не он был автором отрывка¹⁶. На наш взгляд, имеет больше оснований предполагать, что очерк «Нечто о возмущении Семеновского полка» написан Н. А. Бестужевым.

«Критическое отношение к крепостному строю и аракчеевскому режиму, — отмечает исследователь декабризма, — было характерно для всей семьи Бестужевых. Эти настроения шли, прежде всего, от отца их, Александра Федосеевича Бестужева, который в значительной степени был связан с оппозиционными группировками и радикальной мыслью предыдущего царствования»¹⁷. Старший из пяти сыновей А. Ф. Бестужева, Николай, глубоко воспринял эти настроения отца и в условиях русской действительности первой четверти XIX в. открыто выступил против самодержавия и крепостничества.

Николай Бестужев довольно рано проявил интерес к литературной деятельности. В 1818 г. в первой книжке «Благонамеренного» появились его ответы на вопросы, заданные редакцией читателям. В этих ответах Н. Бестужев определял литературу как одно из важнейших общественных занятий, подчеркивая при этом особую роль критики для ее успешного развития¹⁸.

Внимательно присматриваясь и сравнивая внутреннее положение России после Отечественной войны 1812 г. с другими странами, в которых ему приходилось бывать во время своих частых плаваний (Голландия, Франция, Англия, Испания), Н. Бестужев приходит к выводу о превосходстве конституционного правления. Свои наблюдения и впечатления Н. Бестужев изложил в ряде литературных произведений. В 1821 г. сначала в журнале «Соревнователь просвещения», а затем отдельным изданием появились его «Записки о Голландии 1815 года». Начиная с марта 1821 г. Н. Бестужев принимал активное участие в деятельности Вольного общества любителей российской словесности, на заседаниях которого с 9 января 1822 г. он встречался с Рылевым¹⁹.

Н. Бестужев показывал на допросе, что он целиком «посвятил себя для сочинения Российской морской истории, и потому главнейший предмет моего усовершенство-

вания состоял в истории, и наиболее — в истории морских держав»²⁰. Этот глубокий интерес к истории составляет одну из специфических черт литературного творчества Н. Бестужева. Почти в каждом из своих произведений Н. Бестужев уделяет большое внимание вопросам истории и политики. Так в «Записках о Голландии 1815 года» он приводит содержательную историческую справку о возникновении голландского государства; в повести «Русские в Париже 1814 г.» верно раскрывает существо реставрации Бурбонов; в рассказе «Гибралтар» высказывает сочувственное отношение к испанской революции 1820—1823 гг. и ее руководителю Риэго и т. п.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ со стороны Адмиралтейства

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Литография К. П. Бегрова с рисунка Саббата и Шифляра, 1820-е годы
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Одна из задач революционной деятельности членов Тайного общества, как ее определил на следствии Н. Бестужев, состояла в том, чтобы способствовать распространению просвещения и образования, «давая средства людям *читать, сравнивать и замечать*», что «необходимо должно было приводить их к понятиям о правах каждого и общих политических правилах, на которых благосостояние государств основано»²¹. Н. Бестужев считал необходимым записывать наиболее важные мысли и наблюдения для того, чтобы впоследствии сделать их достоянием других²².

В связи с приведенными выше высказываниями Н. Бестужева обратимся к тексту публикуемого очерка. Автор его, определяя свое отношение к окружающей действительности, пишет: «Жить и не замечать современных событий, по моему понятию, не значит жить». При этом он подчеркивает, что нужно не просто замечать, а «замечаниям своим давать такой вид, чтобы они рано или поздно могли сообщаться и другим».

В этом единстве подхода Н. Бестужева и автора «Нечто о возмущении...» к определению обязанностей «всякого, желающего быть полезным гражданином», мы усматриваем одни и те же исходные принципы литературного творчества, которые едва ли могут быть просто случайным совпадением. Идеино близки, а подчас текстуально сходны с публикуемым отрывком и некоторые показания Н. Бестужева на следствии²³.

Обращение Н. Бестужева к истории восстания Семеновского полка вполне естественно. Восстание целого полка, взбудоражившее весь Петербург, не могло остаться вне внимания такого наблюдательного человека, каким был Н. Бестужев. Как человека военного, и к тому же занимающегося историей, его особенно интересовали подобные события. Н. Бестужев не мог, конечно, не сопоставлять положение во флоте с положением в армии. Произвол, казнокрадство, аракчеевщина в одинаковой мере процветали в армии и во флоте. Об этом он открыто заявил на следствии.

Характерной особенностью творчества Н. Бестужева, как и вообще всех декабристов-литераторов, является политическая заостренность произведений, многие из которых с успехом могли быть использованы в пропагандистских целях. Сравнивая «Нечто о возмущении Семеновского полка» с произведениями Н. Бестужева, мы приходим к заключению, что и идейно и стилистически публикуемый отрывок очень напоминает многое из того, что было написано автором «Рассказов и повестей старого моряка».

В пользу выдвинутого нами предположения о принадлежности отрывка перу Н. Бестужева служит и ряд других фактов. Определенную роль играет личная долготелая близость Н. Бестужева с Ф. П. Литке, которому он, конечно, мог дать свои заметки о событиях в Семеновском полку²⁴. О том, что Н. Бестужев дарил свои произведения Литке, свидетельствует сохранившийся экземпляр его книги «Записки о Голландии 1815 года» со следующей надписью: «Ф. П. Литке от сочинителя» (см. воспроизведение титульного листа книги на стр. 369 настоящего тома).

Важно отметить и то обстоятельство, что Н. Бестужев,— как это было установлено на следствии,— широко знакомил близких ему людей с имевшимися в его распоряжении рукописными произведениями на политические темы²⁵. При этом следует подчеркнуть, что в 1824 г., во время плавания на фрегате «Проворный» к берегам Испании, Н. Бестужев распространял среди передового офицерства корабля «Рассуждение» Д. И. Фонвизина «О необходимости законов» в переработке Никиты Муравьева (один из экземпляров этого переработанного текста найден в настоящее время в бумагах Литке). Данные об этом имеются в следственном деле А. П. Беляева, который показывал, что «понятия о законах и правах получил он от чтения книг», и тут же добавлял, что в 1824 г., во время плавания на фрегате «Проворный», он прочитал и списал взятую у Н. Бестужева рукопись Д. И. Фонвизина «О необходимости законов»²⁶. Приведенное свидетельство Беляева и наличие в бумагах Литке списка «Рассуждения о непременных государственных законах» в переработке Муравьева дают нам основание высказать предположение, что названное произведение попало к Литке именно через Н. Бестужева. Это еще одно косвенное, но очень веское подтверждение того, что аналогичным путем мог попасть к Литке и отрывок «Нечто о возмущении Семеновского полка», написанный самим Н. Бестужевым.

Отрывок, найденный в «Особой записной книге» Литке, был написан ранее, чем очерк, приписываемый Рылееву. Очерк был закончен в конце 1822 или в начале 1823 г.²⁷ В связи с отмеченным сходством публикуемого отрывка и очерка «Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка 1820 г.» вполне естественно предположить, что Рылеев мог читать «Нечто о возмущении...». В творчестве декабристов не единичны примеры, когда незавершенные кем-либо произведения служили для других членов Общества стимулом к написанию аналогичных по форме и сходных по содержанию произведений. Одним из таких примеров может служить «Любопытный разговор» Н. М. Муравьева, который, конечно, сыграл определенную роль в создании С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым «Православного катехизиса». Возможно, что это произошло и в данном случае, и отрывок «Нечто о возмущении Семеновского полка» подтолкнул Рылеева к написанию исторического очерка на ту же тему. Познакомиться же с публикуемым отрывком Рылеев мог или через самого автора, Н. Бестужева, или через его брата, Александра²⁸.

Независимо от того или иного решения вопроса об авторе «Нечто о возмущении Семеновского полка», публикуемый отрывок, давая богатый материал для характеристики настроений передовой части дворянской интеллигенции начала двадцатых годов, обогащает литературу о восстании Семеновского полка новым ценным свидетельством современника.

НЕЧТО О ВОЗМУЩЕНИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА *

Жить и не замечать современных событий, по моему понятию, не значит жить. Для человека, не внимательного к тому, что совершается пред ним, старость не приносит опытности, ибо опытность состоит в возможно большей сумме сделанных в сей жизни замечаний и выведенных из того заключений. Подугай, пред глазами коего промелькнуло несколько поколений, не сделался от того умнее; он родился и умер поугаем, не научась ничему и не научив никого. Замечание современных происшествий наипаче занимательно в наше смутное время, которое по справедливости можно бы назвать периодом переворотов и которое служит как бы преддверием к каким-то важным, небывалым событиям, которых мы еще можем сделаться свидетелями.

Но у нас, где все совершающееся среди нас тут же, так сказать, утопает в мрачной бездне неизвестности, где или не хотят, или не любят, или не смеют знать и слышать об этом, где или какое-то несносное равнодушие или страх мешка препятствует событиям доходить до общего сведения открытыми путями и в настоящем виде, у нас мало того, чтобы только замечать — должно замечаниям своим давать такой вид, чтобы они рано или поздно могли сообщаться и другим, и это становится непрременным долгом всякого желающего быть полезным гражданином. Многие происшествия сами по себе не слишком важные, но носящие на себе печать духа своего времени или бывшие необходимым следствием течения дел в то время, или изображающие характеры лиц, тогда действовавших, или состояние нравов двора и пр. и пр. и которые суть настоящие основания истории и составляют необходимые материалы для историка, — потеряются невозвратно, если не сохраняются в записках современников, в открытых, буде можно, тайных, если нельзя.

К сему роду происшествий принадлежит бунт л<ейб>-г<вардейского> Семеновского полка в октябре 1820 года, происшествие замечательное, как по необыкновенности своей, так и потому, что оно обнаруживает к чему способен русский солдат, когда нравственные его способности не угнетены неуместною строгостью.

Большая часть наших солдат взимается из крестьян, такого класса людей, который не знает другого состояния, кроме неволи. Крестьянин родится и умирает под палкою, работает под палкою, часто женится под палкою, так что, наконец, не может не понимать, чтобы деянием человеческим могла быть другая побудительная причина, кроме палки. Он делается совершенно бездушным орудием в руках другого. То же самое, когда жребий или дурное поведение, иногда даже корыстные виды помещика заставят его перейти в военное состояние. Начнут с того, что закуют его в кандалы, забреют ему лоб и повлекут в депо. Тут он знает, чего ожидать, и получает, чего ожидает; при первом случае покажут ему, что значит палочная дисциплина, и с помощью этого средства делают его или мастеровым, или музыкантом, или фрунтовым солдатом без духа, без энергии, без гордости, одним словом, безо всех тех моральных добродетелей, которых начало находится в каждом человеке, особенно в каждом русском, и которые в нашем солдате подавлены сим унижающим человечество обхождением. Как в деревне приучен он думать, что создан для того, чтобы кормить помещика, или составлять его дворовую челядь, или доставлять для его прихотей деньги, так тут видит он все свое назначение в том, чтобы или забавлять глаза своего начальника, или гонять сквозь строй тех, кои вздумают избавиться от этого бремени и т. д. Но о настоящем своем

* Право опубликования этого документа любезно предоставлено проф. С. Б. Окуню Николаем Федоровичем Л и т к е (Ленинград).

предопределении — быть оплотом отечества, быть славою его — об этом он не думает да и не может думать, ибо слава отечества не может состоять в куклах с усами, одетых в зеленые кафтаны; не блестящая игра носков знаменует истинных сынов отечества, но дух их, патриотизм и стремление к славе.

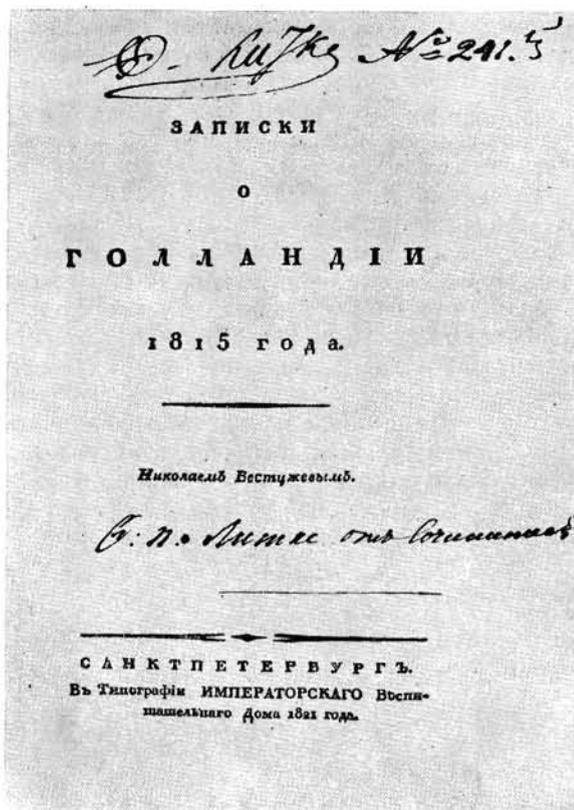
К счастью, терпение и доброта — две отличительные черты характера русского солдата — одерживают всегда верх над угнетительным капральством. Лучшее с ним обращение и меньшая взыскательность на мелочи при начале всякого военного похода тотчас возвышают его дух; он начинает чувствовать себе цену; а если увидит в начальнике своем человека попечительного, охотно разделяющего с ним труд, то привязывается к нему, как сын к отцу; ободряемый примером его, не находит он ничего, что бы могло его утратить; он проходит с ним сквозь огонь и воду, преодолевает самую природу, ничто не может потрясти его непоколебимой стойкости. Каждая война представляет нам бездну таких примеров.

Но никогда в последние времена одушевление сие не достигало до такой степени, никогда не делалось столь общим, как в 1812 году и следующих — владельцы познали, наконец, что все их имущество лежит в духе народа; что в нем одном могут они найти себе защиту от грозных успехов всемирной монархии; что войско бывает сильно не числом, составляющим оное рабов, но привязанностью своею к отечеству и главе оною. Тогда увидели мы единственное зрелище — царя русского, взывающего к своему народу, возбуждающего энтузиазм его к спасению царя и родины, к освобождению себя от чуждого ига, и добрый народ с восторгом простер длани к монарху, которого он обожал; с беспримерным отчуждением самих себя жертвовали все состояния всем, покидали всё, стекались под хоругвь отечества, и скоро одна только опустошенная полоса земли, усеянная костями вражескими, напоминала о страшном нашествии. Не удовольствуясь изгнанием врагов из собственных пределов, поспешили российские войска к освобождению и других народов. Победы, следовавшие одна за другою, лестные отзывы монарха, радужные приемы от народов освобожденных — все более и более возвышало дух русского солдата; к тому же частое обращение с иностранными войсками; он увидел как там обращаются с подобными ему и научался более и более ценить свое состояние, он перестал видеть в себе бездушную машину, обязанную только плясать по дудке своего начальника. Все сие, но еще в пространнейшем смысле, разумеется о полках гвардейских. Играя всегда первую роль, оберегая всегда особы монархов, осыпавших их знаками своего благоволения, составленные из лучших людей из всей армии, управляемые офицерами из лучших фамилий в государстве, восчувствовали они в полной мере ту благородную гордость, которая есть необходимое качество воина-гражданина.

Увенчанные лаврами спасители Европы возвратились наконец в недра отечества своего.

Тут ожидало их вовсе иное поприще; совершенно другие занятия, другая роль; качества, которыми они отличались на полях Бородина и Кульма, сделались для них не нужны; им стало нужно хорошо равняться и вытягивать носки. Тот, кто в состоянии был долее простоять по-гусиному на одной ножке, предпочтен был герою, украшенному сединами и медалями всех наций, которому и раны и следы десяти или пятнадцати кампаний и даже чувство собственного достоинства не позволяли отличать подобными пустяками. Для большего усовершенствования и распространения сей системы капральства сделаны были начальниками первых двух гвардейских бригад великие князь Николай и Михаил, которые в сем отношении дошли до невообразимой степени педантства. С офицерами, которые по большей части также отвыкли от этих мелочных занятий,

КНИГА Н. А. ВЕСТУЖЕВА
 «ЗАПИСКИ О ГОЛЛАНДИИ
 1815 ГОДА». ЭКЗЕМПЛЯР С ДВА-
 РДЦЕННОЙ НАДПИСЬЮ
 АВТОРА Ф. П. ЛИТКЕ, 1821 г.
 «Ф. П. Литке от сочинителя»
 Собрание И. М. Сарнизова-
 Саразини, Москва

обращаемость была не лучше, чем с солдатами. Каково это должно было действовать на расположение тех и других, можно легко себе представить. От этого с самого начала происходили в разные времена неприятные явления в некоторых гвардейских полках, которые смотря по большому или меньшему расположению к ним и к начальникам их высшей власти, сходили им с рук более или менее дешево.

Наиболее благоприятствуем в сем отношении был Семеновский полк, второй по старшинству, но первый, как по истинному своему достоинству, так и по приязни к нему государя. Люди лучшие как по наружности, так и по поведению; офицеры из первых фамилий, благовоспитаннейшие и благороднейшие. Под начальством молодого и храброго Потемкина, предводительствовавшего им в продолжение всей последней войны, любимого равно всеми, как солдатами, так и офицерами, наслаждался полк сей наибольшую противу прочих свободой. Личное расположение государя к Потемкину побуждало его смотреть на это сквозь пальцы, пока неприятность, происшедшая в начале 1820 г. между одним из батальонных командиров и его офицерами, заставила его переменить свое снисхождение на строгость; он захотел переделать и этот полк на свой лад. И потому вскоре потом генерал-адъютант Потемкин уволен от управления Семеновским полком; ему всемилютейше поручена была дивизия, а Семеновским полковым командиром сделан, по рекомендации бригадного командира в. к. Мухоморова, полковник Шварц, известный своим капральством, суровостью и необразованностью²⁹. Шварц принялся переучивать семеновцев по-своему: офицеров, привыкших при прежнем начальнике к нежному, деликатному и благородному обхождению, трактовал он, как даточных фельдфебелей³⁰, с которыми

век свой в армии обращался; солдаты, привыкшие видеть в начальнике своего отца, увидели в нем своего мучителя. Бесполезно и отвратительно рассказывать все плоские мерзости, коими он в краткое время своего командования отличался; довольно, что наконец всеобщее против него огорчение дошло до высочайшей степени, и солдаты решились просить инспекторского смотра.

Накануне одного дни, в который Семеновскому полку надлежало вступить в караул, назначено было по обыкновению разводное ученье. Поутру фельдфебели приказывают своим ротам готовиться, но солдаты первой роты первого батальона объявили своему фельдфебелю, что они на ученье не идут, по требуют инспекторского смотра. На все увещания его ответствовали они только настоятельно, чтобы он сие требование их передал ротному командиру, сей последний довел оное до сведения полкового командира и так далее. Тотчас положено было (как по большей части бывает у нас в таком случае, когда подчиненный просит защиты против притеснений начальника) решить все дело *par coup de main**, безо всякого суда и расправы — велено было привести после обеда первую роту в манеж, что на Дворцовой площади; под предлогом, что там будет ей сделан инспекторский смотр, в манеже окружили ее два батальона других гвардейских полков с примкнутыми штыками, отвели в крепость и заперли в казематы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изложение фактического хода событий см.: В. И. Семевский. Волнение в Семеновском полку в 1820 году. — «Бълое», 1907, №№ 1—3; Семевский, стр. 128—166; С. Я. Штрайх. Восстание Семеновского полка в 1820 году. Пб., 1920; С. Я. Гессен. Мятежники 1820 года. М., 1937. — Часть следственных документов о «Семеновском деле» была опубликована А. И. Яковлевым в сб. «Декабристы». М., 1926 (Всесоюз. б-ка им. В. И. Ленина), стр. 104—247.

² Сведения о том, почему члены Тайного общества не участвовали в подготовке выступления семеновских солдат, имеются в показаниях А. М. Булатова. 9 декабря 1825 г. он сказал Рылеву, что «партия их упустила в 821 году самый удобный случай во время возмущения Семеновского полка». Рылеев ответил, что «они тогда не так были сильны, но теперь совсем готовы» («Лит. наследство», т. 59, стр. 214). На вопрос члена польского Патриотического общества подполковника Крыжановского, как «произошло замешательство в Семеновском полку» и было ли оно организовано «с ведома офицеров», С. И. Муравьев-Апостол отвечал, что «может быть они знали о нем, но в нем не участвовали» (Семевский, стр. 648). См. также: В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов (1816—1825). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953, стр. 13.

Волнения в Семеновском полку укрепили мнение декабристов относительно готовности армии к революционным действиям и тем самым способствовали тому, что была единодушно принята тактика военной революции для проведения государственного переворота.

³ Сразу же после событий 16—18 октября 1820 г. С. И. Муравьев-Апостол, сочувственно отнесшийся к действиям солдат, пытался установить связь с теми из них, которых отправляли в армейские полки (см. «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма». Предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Пг., 1922, стр. 41). В беседе с пострадавшими С. И. Муравьев-Апостол знакомил их с одной из прокламаций, найденных в конце октября 1820 г. во дворе казарм Преображенского полка (см. «Лит. наследство», т. 59, стр. 120—121).

Следующие известные нам действия Муравьева-Апостола по установлению связи с бывшими семеновцами относятся к ноябрю — декабрю 1824 г., когда первый батальон Черниговского полка нес караульную службу в Житомире. Об этом показывал на следствии капитан Фурман: «Каких солдат Муравьев приглашал к возмущению, я не известен, а когда мы были в 1824 г. с батальоном в корпусной квартире в Житомире в карауле, приходили к нему солдаты 8-й дивизии, служившие в Семеновском полку с ним вместе, из коих некоторые были его роты» (ЦГИА, ф. № 48, д. 422, л. 15). В том же плане следует рассматривать попытку М. П. Бестужева-Рюмина в марте 1825 г. подготовить через капитана Рачинского бывших семеновских солдат, служивших в то время в Муромском полку, к участию в восстании, намечавшем на лето 1826 г. (ВД, т. IX, стр. 122).

* решительно, одним махом (франц.).

Особенно оживленными были сношения руководителей Васильевской управы с бывшими семеновцами во время пребывания их в лагере в Лешине, летом 1825 г., когда в палатку к Муравьеву-Апостолу приходило по десяти человек (ВД, т. VI, стр. 206—207). Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин надеялись с их помощью воздействовать на солдат других полков. Как показывал рядовой Ф. Н. Анойченко, Муравьев-Апостол призывал семеновцев «склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьева, делу, которому он однако ж названия никакого не давал; но я, как и все без исключения семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии (...) понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти» (ВД, т. VI, стр. 227—228). Интересно отметить, что в своей пропагандистской работе среди бывших семеновских солдат Муравьев-Апостол был тесно связан с капитаном Пензенского полка А. И. Тютчевым, также служившим ранее в Семеновском полку. Тютчеву принадлежит ярко выраженная мысль о преемственной связи между намерениями декабристов и восстанием семеновцев. «Мы, было, начали в Петербурге дело, — говорил Тютчев семеновским солдатам, — но не кончили, — здесь надо кончить. А вы постарайтесь подговаривать своих товарищей к сему» (ВД, т. VI, стр. 354). Семеновцы живо откликнулись на эти революционные призывы, обещая помощь и участие. За это после восстания декабристов многие из них были вновь жестоко наказаны.

⁴ ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 229, л. 10. — Аналогичные сведения мы находим у Ф. Н. Глядки, служившего в то время адъютантом петербургского генерал-губернатора Милорадовича. В течение двух недель после происшествия в Семеновском полку были приняты «все меры» для охраны города: ночью, через каждые полчаса являлись квартальные, «через каждый час частные пристава привозили донесения изустные и письменные, раза два в ночь приезжал <обер-полицмейстер> Горголи, отправляли курьеров, беспрестанно рассылали жандармов и тревога была страшная» (Семевский, стр. 147—148).

⁵ Семевский, стр. 163—165; ср. С. Я. Штрайх. Восстание Семеновского полка в 1820 году, стр. 32—37.

⁶ ЦГВИА, ф. № 343, д. 139, лл. 1 об.—2; ср. С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. — «Бунт декабристов», стр. 128.

⁷ Значительный интерес представляют «Записки полковника И. Ф. Вадковского», бывшего командиром третьего батальона Семеновского полка во время событий в октябре 1820 г. («Русская старина», 1873, № 5, стр. 635—652). «Записки» эти восстанавливают общую картину волнения, а близкие к ним по содержанию «Воспоминания одного из офицеров полка» дополняют их рядом любопытных деталей («Дела и дни», 1920, кн. 1, стр. 113—121).

К числу воспоминаний бывших семеновцев относится и «Записка подполковника Василия Рачинского о происшествии 1820 года лейб-гвардии в Семеновском полку» («Русский архив», 1902, № 11, стр. 411—423). «Записка» является ответом на просьбу, с которой обратился историограф лейб-гвардии Семеновского полка П. П. Карцов к В. И. Рачинскому в письме от 14 июля 1852 г. Официозным назначением записки Рачинского объясняется и ее верноподданническая фразеология.

⁸ Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Пг., 1922, стр. 41—49. — М. И. Муравьев-Апостол, как и многие другие декабристы, уже после возвращения из сибирской ссылки продолжал интересоваться событиями в Семеновском полку. В одном из писем к М. И. Библикову он писал: «Напомни Евгению Ивановичу <сыну декабриста Якушкина> обещание дать прочесть описание события Семеновского покойного полка» (ЦГИА, ф. № 1153, д. 228, л. 62 об.).

⁹ Лорер, стр. 57—65.

¹⁰ Воспоминания П. Н. Свистунова см. в кн.: Лорер, стр. 401—402.

¹¹ Очерк был намечен к опубликованию в 10-й книжке «Русской старины» 1871 г., но появился, при этом с большими цензурными искажениями, только в 11-й книжке за тот же год (стр. 533—548). В 1907 г. очерк в исправленном виде был напечатан в Полном собрании сочинений К. Ф. Рыльева, т. II, М., «Библиотека декабристов» (стр. 42—59). Редакция сопроводила его небольшой сводкой отзывов современников о событиях в Семеновском полку.

¹² ВД, т. IV, стр. 105; ср. стр. 90—91.

¹³ Биограф Ф. П. Литке, В. П. Безобразов, получивший после смерти Литке, согласно завещанию покойного, доступ ко всем его бумагам, заметил по поводу описания событий 14 декабря в автобиографии Литке: «о 14-м декабря остались еще другие, более подробные, воспоминания графа Ф. П., записанные им в особой тетради, в которую он (независимо от своих записок (...)) заносил разные особые эпизоды, происшествия, рассказы и проч. К сожалению, эта тетрадь, сохранившаяся в его архиве, после его кончины, и нами читанная, впоследствии затерялась и до сих пор еще не отыскана» (В. П. Безобразов. Граф Федор Петрович Литке. Приложение к т. LVII Записок имп. Академии наук. СПб., 1888, стр. 111). Мы думаем, что обнаруженная ныне «Особая записная книга» и является частью той «особой тетради», которую Безобразов считал утерянной (ср. там же, стр. XXXII).

¹⁴ В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 98—99.

¹⁵ Там же, стр. 108—109.

¹⁶ Несмотря на то, что Ф. П. Литке безусловно был близок к декабристам (С. П. Трубецкой называл его даже членом Тайного общества. — Трубецкой, стр. 34; ср. неопубликованные черновые заметки Трубецкого к его запискам. — ЦГИА, ф. № 1143, оп. 1, ед. хр. 8, л. 106), все же для него характерно иное отношение к окружающей действительности. Как сообщает Литке в автобиографии, он часто спорил с Н. Бестужевым, когда тот резко критиковал существующие крепостнические порядки и самодержавную форму правления. Этими несогласиями Литке и объясняет тот факт, что он оказался непричастным к делу декабристов (см. В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 110).

¹⁷ М. К. Азадовский. Мемуары Бестужевых... — В кн.: Бестужевы, стр. 597.

¹⁸ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М., 1933, стр. 175—176.

¹⁹ Базанов, стр. 352, 369—370 и др.

²⁰ ВД, т. II, стр. 64.

²¹ Там же, стр. 71. — Курсив наш.

²² Там же, стр. 82—83.

²³ Там же, стр. 63, 71—72.

²⁴ «Я был знаком со многими из заговорщиков. — писал Литке в автобиографии, — а с Бестужевыми даже в тесной дружбе с самого детства» (В. П. Безобразов. Указ. соч., стр. 110).

²⁵ ЦГИА, ф. № 48, дл. 363, 392.

²⁶ См. в настоящем томе публикацию К. В. Пигарева, стр. 344.

²⁷ Значительная очерк, автор писал: «Полтора года продолжалось изгнание гвардии. Наконец, после смотра под Бешенковичами, где был дан великолепный обед от офицеров царю, они были возвращены» (К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., т. II. М., 1907, стр. 59). Гвардия же, как известно, была в западных губерниях с конца апреля 1821 г. по октябрь 1822 г.

²⁸ В связи с этим значительный интерес представляют данные об отношении Александра Бестужева к восстанию Семеновского полка, приведенные В. Г. Базановым в его книге «Очерки декабристской литературы» (М., 1953): «Показателен и тот факт, что Александр Бестужев в тревожные осенние дни 1820 года отправляется в Кронштадт, чтобы там встретиться и поговорить с семеновцами, которые ждали отправки в Свеаборгскую крепость». В письме к Е. А. Бестужевой от 27 ноября 1820 г. Бестужев обронил важное признание: «Я был у семеновцев также на другой день их отправки на несколько часов. — но теперь они в Свеаборге» (стр. 184). Этот факт еще раз подтверждает особый интерес, который проявляли Бестужевы к событиям в Семеновском полку.

²⁹ О каком конкретном столкновении, происшедшем в Семеновском полку между одним из командиров батальонов и его офицерами, упоминается в данном случае, нам установить не удалось. Однако, как сообщает автор новейшего исследования, посвященного восстанию Семеновского полка, с апреля 1818 до второй половины 1819 г. в полку происходило официальное разбирательство поведения некоторых младших офицеров (прапорщиков и подпоручиков), которые открыто выразили протест против бесчеловечного отношения к солдатам командира роты капитана Скобельцына, позорившего тем самым, по их мнению, честь семеновского мундира (см. М. И. Атюрьевская. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954). Возможно именно этот случай и имел в виду автор «Нечто...» тем более, что он не прошел бесследно не только для участников этого протеста, но и для командира полка генерала Потемкина, которого раздраженный Александр I постарался поскорее заменить более «надежным» командиром — полковником Шварцем.

³⁰ Эпитет «даточный» восходит к известному в истории термину — «даточные люди». Так называлась определенная категория ратников Московского государства XVI в., насильственно отдаваемых на военную службу. Посылка «даточных людей» была одной из наиболее тяжелых и ненавистных повинностей, лежавших на крестьянских и посадских общинах. Бессрочная изнурительная военная служба и грубое обращение со стороны начальников-феодалов — таков был удел «даточных людей».

В записке «Нечто о восстании Семеновского полка» автор вводит выражение «даточный фельдфебель» для того, чтобы показать пренебрежительное отношение полковника Шварца к офицерам полка. При этом оскорбление чести и достоинства офицеров осуществлялось Шварцем посредством приращения их командирских прав. С этой целью он отдавал все приказания и распоряжения в ротах через фельдфебелей, которых обыкновенно собирал к себе по 3—4 раза в день. Подобный метод управления приводил к столкновениям между командиром и подчиненными офицерами, что обостряло и без того напряженную обстановку в полку (см. П. П. Карцев. Событие в лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. — «Русская старина», 1883, № 3, стр. 690). Видимо, учет этих действий Шварца и обусловил появление в тексте «Нечто...» выражения «даточный фельдфебель».